

АНДРЕЙ БУЛЫЧЕВ

ЕГЕРЬ
ИМПЕРАТРИЦЫ
ВОЙНА НА ДУНАЕ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Б90

Серия «Фантастический боевик. Новая эра»

Выпуск 98

Иллюстрация на обложке *Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Бульчев, Андрей Владимирович

Б90 Егерь императрицы. Война на Дунае: роман / Андрей Бульчев. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2026. — 352 с. — (Фантастический боевик. Новая эра).

ISBN 978-5-17-187999-0

1790 год на Дунае уходит под грохот ружейных залпов и визг картечи. Под натиском русских войск пали турецкие Килия, Тульча, Исакча, но Измаил, обороняемый многочисленным гарнизоном, продолжал держаться, и только лишь 11 декабря был взят Суворовым после кровопролитного штурма. Войска султана деморализованы, и самое время ставить победную точку в этой войне.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© ООО «ЛитРес», 2026

© Андрей Бульчев, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

ISBN 978-5-17-187999-0

Часть I

ДУНАЙСКИЕ ПОИСКИ

Глава 1

ОДИННАДЦАТЬ КРЕСТОВ!

— Правую руку вверх. Ещё чуть выше её поднимите, Алексей Петрович, — попросил Егорова главный госпитальный врач. — Стоп, стоп, всё, хватит, достаточно! — воскликнул он, заметив, как раненый вдруг сморщился от боли. — Ну что же это вы, господин полковник, так резко её дёргаете? Тихонечко ведь, осторожно своей ручкой двигать вам нужно! У вас же ещё на груди все рёбра как следует не срослись, а вы вон, словно на плацу своей дланью машете. Эдак ведь и никакими хрящами ваша рубленая кость не обрастет, ежели её так вот тревожить. А теперь чуть в сторону, и совсем немного вбок свой правый локоток заведите. Вот так вот, так, хорошо. Только плавненько, плавненько им двигайте, — ворковал, словно с малым ребёнком, седой старенький доктор.

— Ну что, Илья Павлович, очень даже хорошо, очень, знаете ли, прилично у нашего господина полковника его боевые раны затягиваются, — повернулся он к стоящему подле походной кровати Егорова полковому врачу. — На ноге и на руке

кости все целые и жилы не перебиты, а ведь это, согласитесь, — самое главное в таком вот деле. Ну и по рассечению грудины у меня, кстати, весьма обнадеживающий прогноз. Выходит, всё-таки правы вы были с этим вашим Болонским корсетом. Очень, знаете ли, занятная у него конструкция. Ну что сказать — Европа, благословенные италийские земли. Чувствуется, понимаете ли, передовая медицинская, научная мысль. Увы, отстали мы в этом деле от западных академикусов, теперь только и остаётся их нагонять.

— Ничего, нагоним, Дементий Фомич, — хмыкнул Дьяков. — Русские ведь долго запрягают, да зато вот ездят быстро. Онисим, вот тут на спине затянешь немножко, гляжу я, слабинка есть у шнуровки, — подозвал он ближе стоящего наготове старшего лекаря. — Мазурина себе для помощи крикни, пускай он поможет тебе. Да смотрите не перестарайтесь только, чтобы самое главное рассечение в покое оставалось.

— Дементий Фомич, Илья Павлович, может, всё же разрешите мне из палатки выходить? — проговорил негромко раненый. — Ну вы сами согласитесь, господа — как такие прогулки на свежем воздухе полезны.

— Так, Алексей, ты вот сейчас это даже не начинай! — нахмурился главный врач Дунайской армии. — Вот только месяц прошел, как в себя пришёл, а всё туда же! Скакать ему, видишь ли, нужно, прогуливаться по лагерю! Чай уж не прапорщик давно, не юнец, коего я ещё с той, с Румянцевской кампании помню, а вон, ажно целый полковник. Пример своим людям должен подавать, как

надобно безупречно все врачебные указания для быстрого выздоровления исполнять. Да и приказ их светлости ведь никто пока не отменял — жизни раненых всячески сберечь, лечить их серьёзно и всякое убытие к своим полкам после Измаильского приступа производить строго через главное армейское квартирмейстерство, опосля врачебной комиссии. Так что успокаиваемся, Алексей, и как только тебе поправят корсет, ложимся в постельку и спим. Всё, всё, разговор окончен, — перебил он попробовавшего было возразить полковника. — Тут всё-таки в госпитале я за главнокомандующего и в своём полном праве, так что ты мне не перечь. А для свежести воздуха шатёр вам проветрят, как только мы уйдём. Это уж я накажу. Только ты гляди у меня, братец, чтобы господа не застудились! — погрозил он пальцем переминающемуся у походной жаровни нестроевому солдату. — А то ведь у Дуная январь в этом году вона какой холодный. И не скажешь даже, что мы на юге сейчас стоим. Снежком, словно бы в Костроме или в Твери, волжские берега присыпало. Так, ну ладно, в этом офицерском шатре мы прапорщика в полк отпустили, а господин Милорадович, пожалуй, ещё на пару неделек тут задержится. Ну а Дмитрию Александровичу, ему о выписке и думать ещё даже пока рано. Пожалуй, пойдёмте-ка мы далее, Илья Павлович, у вас там из полковых ещё два офицерских шатра имеется и дюжина для нижних чинов. А помимо того, мне за сегодня ещё и лазареты Фанаторийского, Апшеронского и Полоцкого полков пройти нужно, и, ежели получится, то и егерей Кутузова хорошо бы успеть осмотреть. До свидания,

господа, — окинул он взглядом раненых. — Соблюдаем все врачебные предписания строго и неукоснительно. Бог даст, через три, может, через четыре дня я к вам ещё зайду. Выздоровливайте.

— До свидания! До свидания, Дементий Фомич! — попрощались со старичком все лежащие в шатре, и тот продолжил обход своего разросшегося после кровопролитного Измаильского штурма хозяйства.

Стринадко Онисим крикнул подлекаря, и они вместе с дядькой начали поправлять хитрый корсет на полковнике.

— Вашвысокблагородие, чуток бы вам выдохнуть и потом замереть надобно, — попросил Акакий Спиридонович. — И не в полную грудь лучше бы вдыхать, а так, наполовину, а то у нас тут стаяжки никакой нет.

Дело было привычное, и Алексей, кивнув головой, подчинился. Процедура была не из приятных. Двигаться и даже дышать было непросто. Но что же поделать, когда у тебя рассечены три ребра и ещё надломлено четвёртое. Вот только недавно научился Лёшка заново сидеть на походной кровати, облокотившись на валик из подушек, и втихаря, осторожно, когда рядом не было лекарей, он даже несколько раз умудрился встать на ноги. Видел бы всё это полковой врач Дьяков, и скандала бы точно не миновать! Голова у Егорова кружилась от слабости, в груди дёргалось резкой и острой болью, и каждый глубокий вдох заставлял сжимать зубы, чтобы не застонать.

— Движение — это жизнь, Радован, — пояснял он сочувственно глядящему на него Милорадови-

чу. — Через не могу, через боль, а всё равно нужно мне расхаживаться, иначе я в калеку скособоченного превращусь. На что вам полковой командир кривобокий нужен, а?

— Хорошо Кузьке, — пробормотал лежащий справа Толстой, — вон, когда нас навещал, зараза, как у него морда радостно светилась! Месяц ведь тут не пробыл, и уже в полк. Эх, я бы сейчас тоже по свежему снежку ногами потопал. Говорят, чуть ли не по колено вчера напал. Правда, нет ли, а, Спиридонович? — спросил он у завязывающего узел на корсетной шнуровке подлекаря.

— Так точно, вашвысокоблагородие, истину глаголете, а в низине так и поглубже даже, — кивнул тот и помог лечь командиру. — Между шатрами и палатками тропинки натоптали, лопатами-то не больно намашешься. Так что мы тут всё больше ножками, чтобы удобственно ходить было. Да всё равно долго ему не лежать — как только ветер с моря подует, дождь принесёт, два дня прольёт он, и опять по грязи чавкать. Дурная какая-то погода здесь, одним словом, туретчина она и есть туретчина.

— Тогда уж, Спиридонович, это Валахия или Молдавских господарей земля, эдак её правильной назвать, — приподнял голову с подушки Радован. — А вот туретчина — это, пожалуй, уже ближе к Румелии, или вовсе даже к Балканским горам.

— А-а, — отмахнулся дядька, — по мне, ваше благородие, что Валахия, что Румлия — всё едино, всё это чужая для нас земля. А туретчиной почему зову, потому как турка её топчет.

— Ничего, скоро частью Новороссии будет, — негромко проговорил Егоров, — тут земля обильно уже нашей кровью полита. Акакий Спиридонович, ты бы накинул на меня тулупчик, зябко мне что-то.

— Ой, господи! — всплеснул руками подлекарь. — Филька! А ну-ка, дурень, быстро входной полог опусти! Застудили мы с тобой шатёр у господ офицеров! Нате вам — напроветривали! И жаровню сильней пошуруди, а то угли еле-еле в ней тлеют!

Нестроевой метнулся ко входу и опустил вниз тяжёлый полог. В шатре, освещаемом изнутри подвесным масляным светильником, сразу же стало темнее.

— Интендантские запросы позже, Генрих Фридрихович, посмотрим, давай-ка мы пока по спискам представлений к награждению пройдемся, — попросил своего главного квартирмейстера Потёмкин. — Вот прямо на самих торжествах по случаю Измаильской виктории я и подам их матушке императрице эдаким красиво оформленным свитком, да ещё и в лавровом венке. Думаю, это будет весьма эффектно выглядеть!

Григорий Александрович откинулся на спинку своего резного кресла и, прикрыв глаз, перенёсся в своих мечтах за тысячи вёрст к северу от Дуная. Туда, где была его милая Катенька, для всех же остальных Всепресветлейшая, Державнейшая, Всемиловивейшая, и прочее, и прочее... Великая Государыня, Императрица и Самодержица Все-

российская — Екатерина Алексеевна. По благородному, нарумяненному, крупному лицу генерала-фельдмаршала словно бы пробежала тень, он нахмурился и, открыв глаз, взмахнул тяжёлой дланью, будто отгоняя худые мысли. Его светлость тревожили дурные вести, долетающие из столицы — всё больше внимание императрицы в последнее время перетягивал на себя её молодой фаворит Платон Зубов. Сам-то он не очень страшил весьма искущённого в интригах князя. Шестидесятилетняя «Катенька» вот уже десять лет как отказалась от услуг мужчин зрелого возраста и перенесла своё внимание на двадцатилетних молодцев-гвардейцев. И князь даже сам участвовал в подборе кандидатов на эту «весьма ответственную государственную должность». Но вот Платона Зубова тиснул туда граф Салтыков, принадлежащий к партии придворных, что была враждебна Потёмкину. А за спиной у Платоши стояла многочисленная и жадная свора родственников, в которой было немало явных врагов светлейшего. Генерал-фельдмаршал нутром чувствовал исходящую от всей этой дворцовой комбинации опасность, и с этим нужно было срочно что-то делать.

— И все знамёна, бунчуки и отрядные значки, захваченные в последний год у турок, надобно собрать воедино, — проговорил он задумчиво. — А сюда же в столичный обоз ещё и трофеев видных положить, ковров ярких восточных, шелковых занавесей из шатров сераскира и пашей, оружия османского побольше — ятаганов, сабель в богатых ножнах, ружей с длинными стволами,

даже и несколько фальконетов можно взять для авантажности. Николай Васильевич, — повернулся Потёмкин к сидящему за столом Репнину, — поручи-ка ты нашему главному интенданту, чтобы он поискал получше что-нибудь особенное такое в трофейном. Знаешь, эдакое, чудное и яркое, такое, чем нашу столичную, пресыщенную публику можно было бы весьма заинтересовать и удивить. У меня ведь в недавно построенном Таврическом дворце намечается грандиозное торжество по случаю нашей блистательной победы под Измаилом. Так что надобно не ударить там лицом в грязь. Всё-таки вся столичная знать и все иностранные посланники на празднествах будут присутствовать. Хочется, господа, чтобы и матушка императрица от души порадовалась, — произнёс он задумчиво. — Так, ну ладно, Генрих Фридрихович, списки награждаемых у тебя, я надеюсь, все по полкам и отдельным батальонам разбиты? Тогда озвучивай их, а мы с князем, если что вдруг не так, тебя поправим, — кивнул он на сидящего рядом генерал-аншефа Репнина.

— Вашвысокоблагородие! — заглянул в госпитальный шатёр вестовой. — В лагере барабаны уже к ужину бьют. Разрешите и вам сюда съестное заносить?

Алексей чуть приподнялся на локтях, правый бок резануло острой болью, и он непроизвольно закричал.

— Так вроде бы рано ещё, Никита? Вот только ведь недавно же обед был, а сразу после него и большой врачебный обход?

— Не-е, вашвысокоблагородие, вы что-о?! — протянул тот. — Так это когда же ещё было-то? Ещё ведь засветло, а нонче-то вона уже какая темень во дворе! Вы, Ляксей Петрович, вместе с господами офицерами уснуть сразу изволили, как только врачи из шатра ушли. А ведь это сколько часов назад ещё было. А вам же кушать надо. Коли вы не покушаете, так Илья Павлович шибко всех заругает. Госпитальный распорядок — это ведь дело очень даже сурьёзное, — покачал он с важностью головой.

— Да-а, ну если распорядок, тогда конечно, — хмыкнул лежащий рядом Толстой. — С врачами ссориться негоже, коли ты в их власти находишься. Так ведь, господин полковник? Правильно я говорю?

— Так, так, Дмитрий Александрович, правильно, — согласился с ним Лёшка. — Заноси ужин, Никита. Только ты ещё и ту дощечку широкую, с полозьями ножками, и её тоже сюда принеси. Я с неё сам как с подноса есть буду, безо всяких там нянек. Чай уж ложку и кус хлеба сумею ко рту поднести.

Вскоре в палатку зашли интендантские солдаты и занесли офицерский порцион «для выздоравливающих». Разработан он был лично полковым врачом егерей Дьяковым Ильёй Павловичем и, по его утверждению, способствовал заживлению ран и лучшему кроветворению. На сегодня это была овсяная каша, варёная говяжья печень, чашка куриного бульона, немного орехов с сухофруктами и одно яйцо. Неслыханное богатство в тех местах, где стояла масса служивого народа. Как уж выкру-

чивался с таким порционом старший интендант полка Рогозин Алексей Павлович, давно занимало умы раненых и очень активно ими обсуждалось. Но факт оставался фактом — кроме обычного армейского порциона у находящихся на излечении егерей был ещё солидный приварок. И касалось это не только господ офицеров, но и всех нижних чинов.

— Похоже, пару лет в окрестностях петушиного крика не будет слышно, — шутили в госпитальных шатрах, — всех курей интендантские у местных уже в округе скупили. Фуражные партии аж на тот берег, чуть ли не под Бабадаг отправляли, прямо из-под носа у турок они выторговывали провиант. Благо те, словно робкие мыши, по укреплениям покамест сидят. До сих пор ещё ошарашены после Измаильского приступа.

— Ваше высокоблагородие, а это вам отвар шиповниковый, — Никита поставил на скамейку у кровати исходящую паром глиняную кружку. — Велено каждому его давать, потому как шибко он полезительный.

— Забери, братец, наелся я, от души сегодня наложили, невмочь уже, — Алексей устало откинулся на подставленный ему под спину валик из турецких подушек и тяжело вздохнул.

— Ну как же так мало-то сегодня мы поели, вашбродь? — Негромко ворча под нос, вестовой убрал недоеденное с самодельного подноса. — Ведь чтобы силы были, кушать больше надобно, а вы вон даже и половины сегодня не осилили.

— Всё, не могу я больше, — покрутил головой Егоров. — Не двигаюсь, только и делаю, что лежу.

Другое дело ходил бы. Мить, Радован, возьмите орехи и сушёные груши? — предложил он раненым товарищам. — А я вон шиповникового отвара лучше попью.

Входной полог откинулся, и, стряхивая с шинелей налипший снег, в шатёр с улицы одна за другой нырнули три фигуры.

— Ну, я же вам говорил, что рано! — огорчённо проговорил зашедший первым Гусев. — Не закончили они ещё тут с трапезой, а вы все талдычите — пошли да пошли!

— Здравия желаю, Алексей Петрович! — хором рявкнула троица, поприветствовав командира полка. — Здравствуйте, господа! — поздоровались они с лежащими на походных кроватях ранеными офицерами.

— Привет, братишка, — крикнул Радовану старший Милорадович. — Молодец, на лице, я гляжу, румянец даже появился!

В шатре сразу же стало тесно. Посыпались шутки, зазвучал громкий смех. На стоящие возле каждого раненого столики выложили гостинцы из фруктов и какие-то восточные сладости.

— Никита, за скамьёй сбегай, а то ведь эти медведи нам тут всё скоро разнесут, — попросил вестового Егоров.

Тот выскочил наружу и вскоре вернулся с грубым деревянным изделием.

— Присаживайтесь, ребята, — попросил друзей Алексей, — в ногах правды нет. Рассказывайте, чего там нового на воле слышно? А то мы здесь, словно бы в узилище, взаперти лежим, одни лишь новости в палатке — у кого и когда перевязку

будут делать, и кто сколько каши в этот раз съел. Только вы потише, братцы, хором не орите, словно оглашённые — не ровён час, Дьяков услышит, всем нам тогда хорошо влетит. Тут он на госпитальном хозяйстве за старшего. Не дай бог, на моё место попадёте, ох, и отыграется! Ну давайте уже, не томите, рассказывайте.

— Да чего рассказывать, Алексей, мало что интересного сейчас происходит, — пожал плечами Живан. — Боевые действия после штурма Измаильской крепости совсем прекратились. Войска наши приводят себя в порядок, а о походе даже и речи нет. Турок вообще не видно, забились за стены и валы своих правобережных крепостей, даже их конные разъезды у реки не показываются. Галиоты и кончебасы де Рибаса беспрепятственно до Силистрии доходили, пожгли у Галаца и Браилова несколько османских судов и с десятков призами взяли. Вот и вся наша война. В Стамбуле большие волнения — говорят, верховного визиря под стражу посадили и виновных в последних поражениях ищут. Пока султан порядок у себя не навёл, перейти бы нам на правый берег Дуная да ударить по его ослабленным войскам! Не думаю, что они устояли бы против нас. Да их светлость, видно, не хочет рисковать, приказал до лета никаких серьёзных дел за рекой не начинать, а восстанавливать пока силы. Эх, был бы тут Александр Васильевич! — и Милорадович с досадой стукнул себя по колену. — Мы бы, наверное, уже сегодня из Бабадагского лагеря османов к Шумле гнали! Так нет же, стой и жди, когда к Дунаю обозы с рекрутскими партиями из Киева и Полтавы подгонят.

— Что, прямо так за один день собрался и уехал генерал-аншеф Суворов? — хмурясь, спросил Живана Толстой. — И даже торжественного приёма у светлейшего князя после Измаильской победы для него вовсе не было?

— Да откуда?! — махнул рукой сидящий рядом с Живаном Гусев. — Я по штабным делам в главное квартирмейстерство недавно заходил. Слышал там вполуха, что сильно гневается на него Потёмкин. Чем-то прогневал светлейшего князя Александр Васильевич. Да мне ведь особо ничего эдакого не рассказывают, это вот тебе, Мить, тебе, небось, многое бы стало известно. А нам-то, полковым офицерам, куда уж до вас, до квартирмейстерских!

— Да-а, не вовремя я тут оказался, — с досадой пробормотал Толстой. — Такие дела интересные сверху ныне творятся, а ты лежи тут, шиповниковый отвар хлебай.

— Жаль, что Суворов от армии отбыл, — скрипнув зубами, проговорил Алексей. — Как же это не вовремя! Вот уж кому-кому, а это ему бы победную точку во всей этой войне ставить! Помните моё слово, господа, надолго у турок сил и духа не хватит с нами далее сражаться. Ещё пара битв, и начнут они выгодный для себя мир выторговывать.

— Да уже после прошлогоднего Рымника и Фокшан начали, — усмехнулся Толстой. — Что же вы думаете, зря, что ли, прусский и английский посланники возле их светлости вьются? Хотят сиятельные господа посредниками между воюющими державами быть и пользу с того для